

Обсуждаем статью «Концепт»

В.П. ФИЛАТОВ

В словарях и энциклопедиях концепт и понятие нередко рассматриваются как синонимы. Однако есть достаточно серьезные доводы в пользу того, чтобы различать эти феномены. Достаточно активно это делают в последние десятилетия лингвисты, исследующие многослойную структуру таких концептов национального языка и культуры, как «земля», «небо», «стихия», «душа», «счастье» и т.п. О «концептосфере русского языка» писал в своих работах Д.С. Лихачев. В этом направлении ныне сложились лингвокультурологический и психолингвистический подходы к изучению и описанию единиц, определяемых как концепты. Со своей стороны, в философии, как показано в помещенных ниже статьях, существует тенденция трактовать философскую деятельность как творчество концептов, также отличающихся от достаточно строгих и однозначных понятий многослойностью и открытостью для различных интерпретаций.

Вместе с тем мне хотелось бы кратко обозначить еще один подход к концептам, который не привлек внимания авторов данных статей. Он достаточно традиционен и связан с такими важными для эпистемологии и аналитической философии темами, как концептуальный анализ и проблема концептуальных каркасов. Речь идет здесь о таких способах анализа, которые нацелены на выявление глубинной формообразующей структуры языка и экспликацию онтологического содержания, заключенного в языковых структурах.

Такие философы, как Дж. Мур, Л. Витгенштейн, Г. Райл, У. Куайн, П. Стросон стремились разными способами выявить наиболее общие черты нашей концептуальной структуры. При этом они не рассматривали последнюю как просто совокупность понятий, посредством которых люди обозначают предметы и явления окружающего мира. Концептуальная структура нашего мышления скрыта, мы владем ей и применяем ее с бессознательным мастерством. Конечно, в



первую очередь это относится к концептуальным структурам обыденного мышления, которым люди овладевают без предварительного теоретического обучения. В научном мышлении необходима достаточно обширная и явная система понятий, знание которых составляет необходимое условие познавательной деятельности. Но и здесь есть, во-первых, то, что Т. Кун называл «метафизической частью научной парадигмы», которая не эксплицируется в «нормальной науке». Во-вторых, ученые неизбежно используют весьма широкие, нетематические понятия (объяснение, событие, факт, свойство и многие другие), которые по сути являются многозначными концептами. В результате в любом мышлении неизбежно присутствует базисная концептуальная структура как сеть взаимосвязанных, имеющих широкую сферу применения и нередуцируемых концептов. Но если философы постмодернистской ориентации трактуют философскую деятельность как «творчество концептов», то философы-аналитики понимают ее как «концептуальный анализ».

А.В. Михайловский

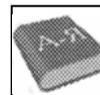
Adam vero cognovit Havam uxorem suam
Quae concepit et peperit Cain (Gen. 4, 1).

*Адамъ же позна Еву, жену свою,
и зачениши, роди Каина.*

В этой цитате из книги «Бытия», на первый взгляд, нет ничего, что относилось бы к сфере философского и научного знания, в рамках которого мы привыкли иметь дело с концептами и концепциями. Последние подразумевают, с одной стороны, некий замысел, план, набросок, с другой – общее понятие, представление о мире. Это отражено во многих европейских языках: concept и conception в английском и французском языках, Konzept и Konzeption в немецком. Можно догадаться, что они, как многие заимствованные слова или специальные термины, берут свое начало в латинском языке, а именно в глаголе con-cipere, форма которого является производной от cipere (брать, схватывать, постигать, замышлять). Наряду с «концептом» можно было бы рассматривать и немецкое слово Begriff¹ – такую же кальку с латинского, как и русское «понятие». Однако если «понятие» в научном языке традиционно обозначает «устойчивое представление» или «мысль, выделяющую общие и наиболее существенные свойства предметов», то «концепт», сначала просто модный синоним для старого термина, в отличие от «понятия» сохранил из старого узуса оттенок «зачатия» и «наброска».

В приведенной цитате из «Вульгаты», латинского перевода Библии, conceptio употреблено в наиболее широком контексте рождения:

¹ Begriff (от greifen, «хватать») происходит от средневерхнемецкого begrif «охват, объем».



оно именуется зачатие, начинание новой жизни. В глаголе *concipere* также довольно отчетливо просматривается первоначальный смысл «содержания чего-то внутри себя», «охватывания чего-то собой». Об облечении каких-нибудь юридических положений в слова в латинском языке говорится: *foedus concipere*, если человек злоумышляет, как бы принимая в себя дурные намерения, то это формулируется так: *malum aut scelus concipere*, о земле, принимающей семена, латинский язык решил сказать: *terra concipit semina*, так же становится беременной и женщина. Важно заметить, что здесь оказывается неуместным применение привычной пары «форма-содержание». Ведь земля, скажем, не является формой семян, скорее, они неким образом определяют землю и приносимые ею плоды. Отсюда *conceptus* у разных авторов переводится в смысле «накопления, собирания, зачатия», а *conceptio* – как «соединение, совокупность, зачатие, формулировка, словесное выражение». Даже в философских текстах поздней античности и раннего средневековья, например, у Тертуллиана, у Бл. Августина, у Боэция *conceptus* употребляется чаще всего как причастие со значением «зачатый», а не существительное со значением «понятие». Даже в Новое время, когда латынь стала не единственным, а всего лишь одним из языков науки, Р. Декарт, Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк и др. в сочинениях на латинском языке стараются избегать термина *conceptus* (а также *praconceptus*), очевидно, из-за слишком яркой, явной физиологической метафоры.

Однако именно этот живой метафорический слой обратил на себя внимание философов и лингвистов в XX в. Поразительная взаимосвязь мысли и первоначальных жизненных отношений, данная в термине «концепт», вновь открывает вроде бы утраченную в философии XIX в. перспективу, в которой вещь, слово и мысль предстают в единстве, не распадаясь на традиционно отличающиеся друг от друга сферы чистого познания и обыденной, «приземленной» чувственности. Стоит присмотреться и увидеть, что у них не разные лица, а одно лицо.

Способ появления мысли, концепта² указан самим языком достаточно четко: речь идет о зачинании мысли при участии двух начал: определяющего и определяемого, вкладывающего и приемлющего. Поэтому нельзя упускать из виду и первый глагол (*cognovit*) в приведенной библейской цитате, называющий первое из человеческих порождений на земле. Читая этот стих на еврейском языке, языке оригинала, мы встречаем глагол *idy* («узнавать», «знакомиться»), который, очевидно, соответствует латинскому *video* «видеть», «воспринимать» и «знать», немецкому *wissen*, польскому *widze* и русскому «ведать/видеть». Здесь возникают две большие темы, на которые можно указать лишь коротко и предварительно: тема любви и познания/узнавания и тема видения и знания. Первая скрыта также в лат. *cognosco*, соответственно, в итал. *conoscere* и фр. *connoître*. Вторая



² Которая, впрочем, может оказаться лишь весьма туманным наброском.

таится в таких фразах, как «I see» или «я вижу, что говорю» и др. Таким образом, мысль как концепт сопряжена интимными узлами со знанием, а знание в свою очередь с любовью.

Итак, концепт, вышедший из утробы и живущий самостоятельной жизнью, как бы остается связанным с ней незримой пуповиной. Этот момент акцентируют Ж. Делез и Ф. Гваттари³, которые всю философию рассматривают как «творчество концептов». В отличие от понятия, или идеи, концепт представляет, скорее, совокупность идей, разнородных элементов, связь между которыми осуществляется благодаря наличию динамической концептуальной точки, своим движением соединяющей относительно независимые друг от друга «зоны соседства». Концепты в силу своей динамики изменяются по форме, выходят из обращения или, наоборот, возрождаются к жизни. Авторское присутствие во многих известных концептах, отмеченное тем, что Делез и Гваттари называют «подписью» (Декарт и *cogito*, Кант и априорность), уравнивается способностью концептов сильно мутировать, поэтому концепты никогда не бывают завершенными и окончательными. У концепта много авторов-интерпретаторов, которые наделяют его новыми смыслами. Для концептов характерна фрагментарность, они всегда входят в ту или иную систему мысли, которую французские философы называют «планом имманенции». «Концепты суть события, а план – горизонт событий, резервуар или же резерв чисто концептуальных событий»⁴.

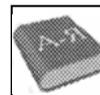
Концептуальный подход в достаточно близком к этому смысле представлен и в нашей литературе, правда, прежде всего лингвистической. Начало этому положила статья русского философа С.А. Аскольдова «Концепт и слово» (1928), где была обоснована необходимость выделения этого феномена в научном анализе. По его мнению, самой существенной особенностью концепта выступает функция замещения. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»⁵. Понятие же «это прежде всего точка зрения на ту или иную множественность представлений и затем готовность к их мысленной обработке с этой точки зрения»⁶, и именно в точке зрения сосредоточена общность понятия.

Эта трактовка получила дальнейшее развитие в работах ряда крупных отечественных лингвистов. Так, Ю.С. Степанов дает такое истолкование: «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека»⁷. Структура концепта включает три слоя: «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, “пассивных” признаков, являющихся уже не актуальными, “исто-

³ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. С. 269.



⁶ Там же.

⁷ Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 41.

рическими»; 3) внутренняя форма, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме»⁸. В результате, в научных исследованиях концепты определяются обычно как многомерные смысловые образования, выраженные в языковой форме.

Концепт, метафорически переносимый из одной сферы в другую, как бы хранит память о прошлых речевых контекстах, о своей прошлой семантике. Этот процесс хорошо прослеживается на примере концептов из области общественных наук. Возьмем такой популярный концепт-метафору, как «революция». Для нее как раз характерна принципиальная незавершенность, более того, она реализуется не в конкретном типе дискурса, а одновременно в разных дискурсивных рядах («глобальная демократическая революция», «консервативная революция», «оранжевая революция», «научная революция» и др.). «Философская, политическая, научная и бытовая концептуализация термина „революция“ осуществляются одновременно, но не совместно. „Зная“ или, точнее, „догадываясь“ друг о друге, они событийствуют в разных пространствах, спорят между собой»⁹. Отсюда вытекает, говоря вместе с М.М. Бахтиным, «внутренняя полифоничность» концепта, его «блуждание» между разными типами дискурса, постоянное расширение палитры смыслов.

Вместе с тем нельзя забывать о том, что концепт по сравнению с понятием не может похвастаться «научной строгостью». Впрочем, то, что в понятии является недостатком, а именно, характер «туманного наброска», в концепте как раз оборачивается своей сильной стороной.

Лингвист В.З. Демьянков отмечает¹⁰, что концепт в научной литературе второй половины XX в. понимается как промежуточный, неокончательный результат образования понятия. Концепт постоянно оформляется в ходе дискурсивной деятельности, а потому выступает как более или менее наглядная, предварительная и постоянно уточняемая модель понятия. В частности, на примере немецкого термина *Konzept* видно, что он обозначает «не просто „понятие“ (соответствующее предмету), а только лишь предварительное, отрывочное, незавершенное, иногда туманное, только относительно справедливое, ценное и непротиворечивое представление о целом мире, лежащем за некоторым понятием и моделирующем (отражающем в научном исследовании) истинные понятия человека»¹¹. Подводя итог, В.З. Демьянков пишет: «Разграничение проходит по следующей линии: понятия – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности»¹².

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб., 2008. С. 15.

¹⁰ Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. М., 2001. № 1. С. 35–47.

¹¹ Там же. С. 39.



¹² Там же. С. 46.

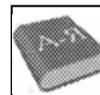
В русский философский язык концепт интенсивно проникает в 1990-е гг. благодаря переводам западной литературы (главным образом, речь идет о переводах французских авторов – Р. Барта, М. Фуко и др.). В современном узусе слова концепт в языке гуманитарной науки выделяется, стало быть, нечто конкретное, на первый план выходят историчность и интенциональность. Поскольку мир концептуализируется посредством языка, то обсуждая концепты, мы не просто договариваемся об употреблении терминов, а реконструируем социокультурное измерение мира.

Таким образом, термин концепт содержит идею «зачаточной истины», заложенной в латинском *conceptus*, «зачатый». Однако то, что «зачато», может позднее оказаться в равной мере как «законнорожденной», так и «незаконнорожденной» мыслью. Недаром платоновский Сократ, сравнивавший свое искусство беседы с майевтикой, повивальным искусством¹³, утверждает, что мысль нужно не только выносить, но и проверить ее жизнеспособность. Вот здесь-то и вступает в свои права философия, которая позволяет отличить законнорожденный концепт от незаконнорожденного, настоящего ребенка от «призрака».

А.Л. НИКИФОРОВ

Концепт – термин, ныне широко используемый в лингвистике и культурологии, однако все еще не имеющий устойчивого общепринятого содержания. В философии концепт часто отождествляется с понятием. В культурологии и лингвистике этому термину придают более широкое значение. С точки зрения традиционной логики понятие имеет объем и содержание: объем понятия – это совокупность предметов, подпадающих под данное понятие; содержание понятия – это совокупность существенных признаков этих предметов.

Концепт близок тому, что называют содержанием понятия, но ему придают гораздо более богатый смысл. Концепт не только включает в себя существенные признаки каких-то предметов, но в нем в сжатом виде представлена вся история формирования данного понятия, сконденсирован опыт человеческой деятельности с данными предметами, этимология слова, выражающего понятие. «Концепт, – пишет лингвист Ю.С. Степанов, – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... В отличие от понятий в собственном смысле термина... концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпа-



¹³ Платон. Тезет // *Платон*. Собр. соч. в 4-х томах. Том 2. М., 1993. 150a–151d.

тий и антипатий, а иногда и столкновений»¹⁴. Концепт во всем богатстве его содержания не может быть выражен одним словом, он как бы «парит» над словами и вещами. К числу наиболее фундаментальных концептов русской культуры Ю.С. Степанов относит такие понятия, как «мир», «вера», «любовь», «хлеб», «вода» и т.п.

Родоначальник логической семантики Г. Фреге рассматривал все языковые выражения как имена, обладающие значением и смыслом. Значением термина являются обозначаемые им предметы, а смыслом – то, благодаря чему мы узнаем, какие предметы обозначает данный термин. В рамках этого подхода концепт можно было бы определить как смысл определенных языковых выражений. Однако само понятие смысла до сих пор остается чрезвычайно расплывчатым. Для того чтобы это понятие помогло нам уточнить понятие концепта, нужно прояснить само понятие смысла. Как известно, Фреге представлял понятие в виде «ненасыщенной» функции, например, «Бел (x)», «Человек (x)» и т.п. При подстановке имен предметов на место переменной «x» эта функция превращается в истинное или ложное высказывание: «Снег бел», «Уголь бел» и т.д. Тогда можно сказать, что смысл некоторого термина есть совокупность функций, которые превращаются в истинные высказывания при подстановке этого термина на место аргумента, или, проще говоря, смысл термина есть совокупность предикатов, присущих обозначаемым им предметам.

Такое определение смысла кажется лишенным обычной неопределенности и вполне согласуется с истолкованием концепта в лингвистике и культурологии. Правда, при таком истолковании смысл не охватывает всего богатства содержания концепта, в него входит только то, что можно было бы назвать знанием о вещах и явлениях, к которым относятся наши слова. Эмоции и переживания, которые Ю.С. Степанов также включает в содержание концепта, в смысл не входят. Смысл термина, являющийся составной частью концепта, содержит только знание, которое представители данной культуры получили в практической деятельности и познании предметов и явлений окружающего мира.

А.С. ИГНАТЕНКО

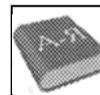
Концепт в постмодерне

Концепт – одно из опорных понятий постмодернистской мысли, определяющей вслед за Ницше философскую деятельность как твор-



¹⁴ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 43. чество концептов (Делёз, Гваттари). В условиях реальности чисто знакового характера, где знаки более не соотносятся с вещами (смерть трансцендентального означаемого, вырождение означаемого в означающее означающего и т.д., инфляция знака), онтология сливается с философией смысла: «быть» значит в постмодерне «иметь смысл». Концепт концепта, таким образом, отсылает к философии смысла Делёза, являясь неким блоком смысла, сложным и изменчивым целым, результатом беспрестанного творческого конструирования и переконструирования. Концепт есть конструкт в той мере, в какой смысл слов более не обеспечивается их соответствием вещам (Фуко), по мере утраты знаками своих референтов; смысл отныне зависит от структурных отношений между знаками, прежде всего – от отношений *различия* (пример Соссюра с алфавитом, где каждая буква функционирует прежде всего благодаря отличию от всех остальных). Любая смыслопроизводящая структура, по Делёзу, представляет собой минимум две, а максимум бесконечное количество *серий* с потенциально бесконечным числом элементов, которые мы в состоянии выделить благодаря отношениям различия между ними. Реальность на своем первичном уровне перехода от чистого хаоса к зачаткам космоса множественна и сериальна. Чистый хаос – это *различие различия*, где нет никаких тождеств, а, следовательно, никаких явлений и вещей. Первичным образованием может считаться *сингулярность*, возникающая благодаря самому минимальному упорядочению различия. Серии сингулярностей в точках их схождения или сгущения образуют сингулярности более высокого сложного порядка. Концепт организован по тому же принципу: он является своего рода сгущением смысловых единиц предшествующего уровня – *составляющих концепта*, которые в свою очередь распадаются на еще более фундаментальные сингулярности. Отношения «концепт–составляющая концепта» взаимнообратимы: составляющая концепта в свою очередь может сама быть представлена в виде другого концепта, причем включавший ее концепт или его часть может в этом новом случае войти в нее уже в качестве ее составляющей. Все зависит от *проблемы*, которая вызывает к жизни концепты, побуждает к их сотворению, являясь своего рода перспективой, углом зрения.

Концепт, следовательно, есть сингулярность в хаосе полноты смысла, или *событие*. Необходимо, однако, отличать событие смысла от состояния вещей, от его телесного воплощения. Смысл по Делёзу – это новый тип идеальности, главное отличие от классической идеальности которого состоит в том, что он основан на отношении различия, а не тождества. Опрокидывая платонизм, Делёз переворачивает перспективу: исходная реальность интенсивна, в ней различие соотносится с различием посредством различия; сознание экстенсифицирует интенсивность, разворачивает интенсивную глубину в экстен-



сивную поверхность, учреждая тем самым пространство, упорядочивает различия, создавая тождества. Смысл в этих условиях может соотноситься как с упорядоченной и экстенсивной реальностью тождеств (здоровый смысл), так и с интенсивным миром различия. Этот второй смысл гораздо ближе к нонсенсу. Концепт является событием и смыслом именно во втором смысле, принадлежит интенсивной реальности различия. Сложность задания такой реальности средствами языка заключается в зависимости языка и сознания от пространства и в невозможности их очистки от пространственных смыслов, тогда как интенсивная реальность различия допространственна. Поэтому, что бы мы ни сказали об интенсивной реальности различия, это всегда будет искажение, перевод на язык пространства и оформление в пространственных понятиях того, что к пространству не имеет ни малейшего отношения. Тем не менее, стремление как можно точнее выразить эту принципиально невыразимую реальность направляет эволюцию языка и мышления за пределы пространственного мира, в направлении постижения непространственных, интенсивных сущностей и отношений, что фактически приводит и к открытию новых типов пространств и пространственных отношений. Так, концепт, определяемый Делёзом как серия разнородных составляющих, пробегает эту серию с *бесконечной* скоростью, что подрывает сами основы пространственного взаимодействия, позволяя концепту присутствовать одновременно во всех местах своего пребывания, в каждой точке каждой из своих составляющих.

Концепт двояким образом соотнесен Делёзом и Гваттари с проблемой субъективности. Во-первых, концепт всегда несет имя своего создателя: картезианское *cogito*, платоновские *эйдосы* и т.д. Не философ, однако, создает концепты, а концепт – философа. В той мере, в какой концепт связан с интенсивной проблемой, роль автора сводится лишь к тому, чтобы провести его в мир. Источник концепта не в субъекте, он принадлежит миру интенсивностей, который воздействует на нас, заставляя мыслить. И только в результате такого вынужденного мышления, как его эффект возникает субъект, задним числом приписывающий себе честь сотворения концепта. Во-вторых, философия порождает *концептуальных персонажей*: Дионис и Заратустра у Ницше, Сократ у Платона и т.д. Если они не поименованы, они, тем не менее, подразумеваются. Концептуальные персонажи также не должны восприниматься как восстановленная инстанция автора в концепте, напротив, автор переживает расщепление и умножение своей личности в собственных концептуальных персонажах, являясь всего лишь их телесным воплощением.

Концепты с их переходами от одного к другому формируют *план имманенции*. «Концепты – это конкретные конструкции, подобные узлам машины, а план – та абстрактная машина, деталями которой



А.С. ИГНАТЕНКО
являются эти конструкции. Концепты суть события, а план – горизонт событий...». План имманенции осуществляет сечение хаоса, но сам он совершенно абстрактен, или виртуален (виртуальное реально, но не актуально): он не существует актуально иначе, чем в концептах, из которых состоит. Например, у Делёза, нет никакого постмодерна, у него есть лишь концепты, которые его – постмодерн – выражают. Для Делёза постмодерн вполне может считаться планом имманенции в той мере, в какой сам он о постмодерне никогда не рассуждает, тем не менее, организуя реальность в соответствии с этим планом и населяя его конкретными концептами, фактически представленными в его текстах. В то же время, для автора данной статьи постмодерн перестает быть планом имманенции и превращается в концепт.

ЛИТЕРАТУРА

Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. №1; Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003; Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001; Райл Г. Понятие сознания. М., 1999; Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. Strawson P. Bounds of sense. L., 1966.